

УДК 947.1/9
ББК 63.3(2 Рос. Бур)-2

Аюна Сырен-Доржиевна Балданова
кандидат исторических наук, доцент,
Бурятская государственная
сельскохозяйственная академия
им. В. Р. Филиппова
(Улан-Удэ, Россия), e-mail: basd@mail.ru

Экологическое состояние охотничьего промысла бурят в конце XIX – начале XX вв.

В статье рассматривается изменение экологического состояния охотничьего промысла бурят в конце XIX – начале XX вв. в результате развития капиталистических отношений и торгово-промышленного характера охоты с применением хищнических методов добычи. Отмечается негативная роль масштабной вырубке лесов, строительства Сибирской железной дороги, разрушавших территории обитания промысловых животных. Следствием этого стало уменьшение добычи зверей, сокращение их популяции, ухудшение экологической обстановки в регионе. Автор анализирует удельный вес охотничьего промысла в хозяйствах прибайкальских и забайкальских бурят, приводит архивные данные для их сравнения, подчёркивает важность традиционного охотничьего культа и народных верований для сохранения популяции животных.

Ключевые слова: буряты, охотничий промысел, торгово-промышленный характер охоты, ухудшение экологической обстановки.

Ayuna Syren-Dorzhiyevna Baldanova
Candidate of History, Associate Professor,
Filippov Buryat State Agricultural Academy
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: basd@mail.ru

Ecological Situation of the Buryat People Hunting Craft at the End of the 19th –the Beginning of the 20th Centuries

The article is devoted to the changes of the ecological situation of the Buryat people hunting craft at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries as the result of capitalist relations development and trade and industrial character of hunting, applying the predatory methods of procurement. The negative role of large-scale deforestation and building of the Siberian railway, which destroyed game animal habitats, is pointed out here. The results were the decrease of game animal hunting, the decrease of game animal population, degradation of ecological situation in the region. The author analyses the proportion of hunting craft of the Pribaikal and Transbaikal Buryats, gives the archival data for their comparison, points out the importance of the traditional hunting culture and people's faith for the preservation of animals population.

Keywords: Buryats, hunting craft, trade and industrial character of hunting, degradation of ecological situation.

В конце XIX – начале XX вв. у бурят были широко развиты различные промыслы: охота, рыболовство, извоз, заготовка леса, сбор орехов, ягод, плотничество, заготовка древесины и т. д. В статье рассматривается один из промыслов – охота. Она являлась в некоторых хозяйствах бурят одним из главных видов деятельности, продукты которой давали ощутимый вес в пищевом рационе. Также именно существование охоты напрямую связано с экологическим состоянием окружающей среды.

При рассмотрении удельного веса промыслов в общем комплексе хозяйств наблюдается их колебание в зависимости от локальных природно-климатических условий. Трудно провести чёткие границы, очерчивающие ареалы их распространения, поскольку этнические территории расселения бурят представляли собой пёструю картину перемежающихся лесов и степей. Рядом с бурятами-скотоводами жили охотники и рыболовы. Степень распространения промыслов в разных природно-климатических условиях не

была одинаковой, тем более что в неблагоприятные для скотоводства и земледелия годы их роль возрастала. Рассмотрим табл. 1.

Таблица 1
Состояние промыслов у бурят Иркутской губернии в конце XIX в. (1887–1888 гг. без Верхоленского ведомства) [1, с. 256]

Ведомства	Промысловые хозяйства (в %)		Занято охотой	
	Всего	Охота, рыболовство	Хозяйств	Лиц
Кудинское	25,7	0,6	19	19
Капсальское	13,9	-	-	-
Китайское	43,0	17,4	49	59
Тункинское	56,0	40,6	878	1015
Молькинское	25,6	0,3	-	-
Улейское	22,8	-	-	-
Бильчирское	14,2	1,1	22	30
Боханское	18,5	0,3	3	5
Укырское	10,5	0,6	3	3
Аларское	33,4	4,8	329	344
Балаганское	25,5	13,3	472	502
Нижнеудинская Землица	96,5	69,0	1345	162

Как видим, наиболее высокий процент занимавшихся промыслами хозяйств в Нижнеудинской Землице – 96,5 %, в Тункинском ведомстве – 56 %, Китайском – 43 %, Аларском – 33,4 %, а также свыше 25 % в Кудинском, Балаганском и Молькинском ведомствах. Из них процент занимавшихся охотой и рыболовством наиболее высок у нижнеудинских – 69 %, тункинских – 40,6 %, китайских – 17,4 % бурят, т. е. в тех местностях, которые по природно-климатическим условиям наиболее подходят для занятий этими промыслами в связи с наличием охотничьих угодий. То же самое соотношение сохраняется по занятости хозяйств и лиц этими промыслами.

Значение охоты в отдельных ведомствах определялось также степенью развития производящих видов хозяйства – интенсивного скотоводства и земледелия, что видим из следующих документов. В отчёте Верхоленской степной думы за 1888 г. сообщается, что в ведомстве насчитывается до 219 охотников. У кутульцев и еланцинцев охота на нерпу составляла половину дохода от всей добычи, а рыболовство являлось одним из основных занятий, т. е. доля промыслов в ведомстве была достаточно велика [9, л. 36].

Вот другое сообщение из архивных документов: «Для инородцев Тункинского края средством к существованию является звериный промысел, особенно там, где земле-

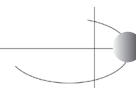
делие плохо развито или неразвито в силу климатических и почвенных условий. Таковы местности Тункинского края: Окинский и Мондинский роды, союты из Еловки, Тибельти, Быстрой и Култука. Здесь земледелие плохо развито, население живёт, главным образом, пушным промыслом и добычей орехов, поэтому сбыт пушнины имеет для населения существенное значение. Охотников насчитывается более 2 тысяч человек, которыми ежегодно добывается примерно: соболей – 800 штук по 40 р., белок – 100 тыс. штук по 30 к., хорьков – 1500 штук по 1 р., горностаев – тысяча штук по 1 р. 50 к., рыси – 30 штук по 20 р., лисиц – 150 штук по 12 р., волков – 300 штук по 5 р., изюбриных рогов – 250 штук по 40 р. Зверь промышляется преимущественно, за исключением изюбря, осенью и зимой, начиная с 1 октября и кончая в феврале. Изюбрей убивают весною, в апреле-мае. Соболя ловят «кулемками», стреляют из ружья, при помощи собак, «курчавками», капканами, во время случки, когда он начинает «тропить», т. е. гоняться за самками. Белку убивают из ружей, горностаев и хорьков ловят ловушками» [2, л. 2–4].

Из этого сообщения узнаём, какие виды животных добывались бурятами, когда и какими способами, в каком количестве. Только добыча соболя давала половину дохода, пушное направление промысла было основным. Видим, что в описываемый период некоторые приёмы охоты были хищническими, например, во время случки, что приводило к негативным последствиям в популяции животных. Это объясняется промышленным характером охоты, получившим распространение на рубеже XIX–XX вв.

О нижнеудинских бурятах конца XIX в. писал ещё М. Н. Хангалов. Он отмечал, что места обитания этих бурят были таёжные и болотные, без питательных трав, поэтому скотоводство и земледелие не были развиты. Основное занятие – охота. Скот кололи тогда, когда плохо ловились зверь и рыба [13, с. 256].

Таким образом, в условиях расселения этой группы бурят охота являлась наиболее выгодным занятием. Встречающееся высказывание об отсталости нижнеудинских бурят несостоятельно. Именно сочетание развитой охоты с небольшим разведением скота представляло собой своеобразный, обусловленный конкретными условиями хозяйственно-культурный тип в этом регионе.

Также уникальным явлением для кочевников-скотоводов умеренной зоны была охота на морского зверя (нерпу), существовав-

шая у ольхонских бурят на озере Байкал. Продукты данной охоты, а это жир, мясо, шкуры, находили применение в личном хозяйстве и поступали на рынок. Ольхонцы поставляли столько жира нерпы, что его хватало на всю кожевенную промышленность Прибайкалья.

Вероятно, охота на нерпу была древним занятием данного населения. Об этом свидетельствуют бурятские названия орудий лова, рациональные методы и способы охоты, которые могли быть выработаны только в условиях длительного освоения среды.

Важное экономическое значение нерпичьего промысла для местного населения видно из следующего архивного источника.

В Кутульской инородной управе за 1896 г. добыли и продали: изюбрей – 5 штук на 100 р., нерп – 830 штук на 3780 р., медведей – 3 штуки на 21 р., белок – 1600 на 2380 р., хорьков – 100 штук на 50 р. Всего на сумму – 6291 р. [10, л. 4–5 об.]. Видим, что основной доход принесла охота на нерпу, которая составила свыше 60 % всех поступлений.

Своеобразие хозяйственной деятельности ольхонских бурят, сочетавших развитое скотоводство с морской охотой и рыболовством, подтверждает тезис о комплексном использовании среды.

Традиционное использование природы народом, обитающим в приграничной зоне леса и степи, предполагало полное освоение естественных ресурсов. Идеальный вариант кочёвок, особенно зимних и осенних, представлялся в синтезе пастбищ, удобных для тебенёвки скота и богатых охотничьих угодий. Мотивами перекочёвок становились поиски этого благоприятного для ведения комплексного хозяйства сочетания.

Так, закаменские буряты располагали осенники вблизи охотничьих угодий, съезжали с них на зимники по окончании пушной охоты. Некоторые семьи или целые группы бурят удовлетворяли все жизненно необходимые потребности продуктами охоты. Так жили в начале XX в. немногочисленные нижнеудинские и шарагольджинские буряты Селенгинского округа (так называемые удунгинские буряты, кочевавшие по рекам Темник и Удунга).

Охота также имела важное экономическое значение в хозяйстве забайкальских бурят. Материалы степных дум, как правило, в 2–3 раза занижали данные о количестве добываемого зверя. При неравномерности распространения охоты в среде бурят показатели добычи являлись неодинаковыми для разных групп. В Закаменской инородной управе охотой занимались 47,2 %, в Армакской ино-

родной управе – 42,6 %, в Акшинском округе – 53,2 % хозяйств. В Баргузинском округе охотой занимались в основном тунгусы, которые охотились на северо-восточном берегу Байкала, где добывали лучших соболей. В Цакирской станице Троицкосавского округа 36,1 % хозяйств были охотничьими [1, с. 96].

Агинцы и хоринцы занимались охотой мало, ввиду отсутствия благоприятных природных условий для промыслов. Тем не менее, в архивных документах встречаются сообщения о продаже охотничьей добычи. Например, за 1886 г. агинские буряты продали на ярмарке: шкур белки – 1919, лисы – 97, волков – 50, хорьков – 100, корсаков – 150, соболей – 25, тарбаганов – 1000 штук [11, л. 143].

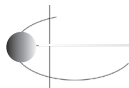
Охота была более развита в таёжной зоне, здесь существовали разные её направления, в основном пушное. Степная охота была более трудной, объектами её становились степная лиса, волк, тарбаган и т. п. Обычно в этом ландшафте охота была менее развита, и охотничья добыча составляла небольшой дополнительный источник дохода. Это подтверждают статистические данные.

По материалам переписи 1897 г., в Баргузинском ведомстве из 2364 хозяйств охотой занимались 162 хозяйства, в Хоринском из 9803 – 573, Агинском – из 5593 – 19, в Закаменской инородной управе – из 1537 – 724, в Селенгинском – из 5969 – 192 хозяйства. Всего из 35656 бурятских хозяйств охотой занимались 2425 [1, с. 413].

Таким образом, степень распространения охоты в разнотипной экологической среде не была одинаковой. Доля её возрастает в лесотаёжной зоне, уменьшается в степной. Охота бурят дифференцировалась на охоту на мясного зверя, добычу пушнины, промысел морского зверя (нерпа), получение лекарственного сырья животного происхождения.

Охота на мясного зверя имела целью добычу продуктов питания и шкур крупных зверей для домашнего производства. В большей степени она была развита в лесотаёжной зоне. Основной ассортимент пушной охоты (белка, соболь, горностай, хорёк) изменялся, что происходило из-за исчезновения в некоторых районах соболя.

Одной из особенностей бурятской охоты XIX – начала XX вв. являлась её ориентация на добычу лекарственного сырья животного происхождения. Добывали струю кабарги (мускус), панты изюбря, лося, медвежий жир и желчь, экскременты и содержимое прямой кишки кабана. Всё это сырьё имело лечебное свойство и использовалось в народной

медицине. Бурятские охотники от её продажи получали немалый доход. Однако, этот вид охоты имел и негативный характер, поскольку часто для получения отдельных частей и органов уничтожали нескольких животных, а туши оставляли.

Целевая дифференциация охоты раскрывала различные стороны этого занятия, характер, направленность, указывала на её роль в общей системе материального производства бурят.

Виды, формы, способы и приёмы охотничьего промысла отражали наиболее характерные, исторически устойчивые элементы, выработанные в результате длительного хозяйственного освоения среды обитания, существовавшие в двух экологических зонах – лесу и степи: лесная – больше в Предбайкалье, степная – в Забайкалье. Это обусловило различие методов и приёмов, а также видов и форм промысла.

У бурят существовало два вида охоты – коллективная облавная (аба) и индивидуальная (агнуури). Развивались две формы – активная и пассивная. Активная охота предусматривала разыскивание, преследование и добычу зверя с помощью орудий: пассивная предполагала добычу зверя с помощью ловушек, без участия охотника. Индивидуальная охота носила мясо-пушной характер, была представлена смешением активной и пассивной форм, больше распространена в Предбайкалье и в таёжных местах Забайкалья.

Буряты степной зоны добывали зверей на открытых пространствах, поэтому здесь была развита коллективная охота. Особенности традиционной охоты бурят обстоятельно исследованы в работе С. Г. Жамбаловой [8].

Таким образом, существовала естественная специализация охоты, а традиционные формы, в том числе смешение активной и пассивной форм, оказались наиболее приспособленными для успешного сбалансированного эксплуатирования человеком окружающей среды. Кажущаяся архаичность способов и приёмов обеспечивала экологическое равновесие в природе.

Для успешной охоты необходимо было знать образ жизни, повадки животных, места лежбищ, водопоев, звериные тропы. Способы и приёмы добычи зависели от вида животных, сезона, индивидуальных особенностей охотника. Так, при охоте на изюбря летом больше охотились скрадом или устраивали засады на солонцах, а осенью, во время брачного периода, самцов подзывали при помощи специальных манков, зимой преследовали по снежному насту.

Знание образа жизни животных позволяло избирать нужные сроки охоты, объёмы и масштабы, не истощая естественных запасов. В выборе объекта охоты бурятами наблюдалось стремление к сохранению репродуктивных животных, не промышляли самок. Это также способствовало сохранению эффективности охотничьих угодий.

Уровень развития традиционной охоты бурят регулировался экологическими лимитами. Традиционные формы остались вплоть до начала XX в. Они оказались наиболее приспособленными для успешного использования человеком окружающей среды, обеспечивая экологическое равновесие в природе, и содействовали сохранению животных популяций.

Однако новые социально-экономические процессы на рубеже XIX–XX вв. отразились на характере и изменении традиционной охоты бурят. Ведущей становится в этот период пушная охота. Сибирские меха не имели себе равных как на внутренних, так и внешних рынках. С середины XVII в., когда ценные зверьки стали основным предметом промысла и уплаты ясака, их количество резко снизилось. Хищнические способы ловли привели к падению численности животных и подрыву природных основ промысла.

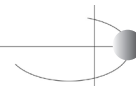
Табл. 2 показывает сокращение удельного веса популяции соболя с середины XVII в. к середине XIX в.

Таблица 2

Удельный вес отдельных видов зверей (в %) от общей суммы стоимости сибирской пушнины [7, с. 79]

Звери	1647 г.	1689 г.	середина XIX в.
Белка	1,0	7,3	58,8
Соболь	94,8	57,4	11,8
Лиса	2,3	17,4	7,8
Медведь и волк	-	-	6,7
Заяц	-	-	1,7
Песец	0,1	2,1	5,1
Горностай	0,1	10,3	3,9
Хорек	-	-	2,0
Речной бобр	1,7	5,5	2,0

Как видим, основное сокращение понесли популяции соболя – наиболее ценного пушного зверя в мире. Почти 100-процентный удельный вес в середине XVII в. упал до 11 % через 200 лет. Это вызвало повышение удельного веса добычи менее ценных зверей – белки, лисы, песца, популяции которых также сокращались из-за хищнических методов охоты. Увеличение добычи медведя и волка в середине XIX в. объясняется, вероятно, охотой на медведя из-за шкур и для лекарственных

нужд. А охота на волков разрешалась и даже поощрялась администрацией как борьба с хищниками. Уменьшение удельного веса ценных зверей – горностая и речного бобра – с 10,3 % и 5,5 % в конце XVII в. до 3,9 % и 2 % соответственно в XIX в. также отражает рост промысловой охоты на этих животных и применение хищнических методов добычи.

Средняя величина популяции соболя в Сибири в начале XVII в. составляла 869 тыс., из них 722 тыс. были восточносибирскими. Без ущерба можно было добывать 261 тыс. шкурок, а добывали 341 тыс., т. е. на 30 % выше нормы [7, с. 78]. Отсюда резкое сокращение популяции зверя.

Вопрос о сохранении соболиного промысла принял в конце XIX – начале XX вв. тревожный характер. «Согласно заявлению ярмарочных и биржевых комитетов и мелких торговцев количество поступающих в последние годы на рынок соболиных шкурок уменьшилось в 5–6 раз. По сведению Ирбитского ярмарочного комитета, с 1879 г. наибольший привоз соболя был в 1899 г. – 61 тыс. шкурок, но к 1910 г. он постепенно упал до – 10275 шкурок» [3, л. 1].

Такое сокращение вызвало тревогу правительства, т. к. от соболиного промысла поступало значительное количество доходов в казну. В июле 1912 г. был утверждён закон «Об установлении ограничительных по охоте на соболя мер». Он устанавливал для России трёхлетний запрет – с 1 февраля 1913 г. по 15 октября 1916 г. – на промысел соболя и торговлю шкурами, добытыми после 1 февраля 1913 г. Также устанавливался ежегодный запретный для охоты срок с 1 февраля по 15 октября – период размножения зверей и роста детёнышей.

Однако исследовательские партии отмечали, что «хищническая добыча соболя в прибайкальских речках в промышленный сезон 1913–1914 гг., тем не менее, производилась в широких размерах» [3, л. 66].

«Можно проехать 200 вёрст и не увидеть ни одного соболиного следа там, где лет 10 назад соболь добывался десятками. Соболь сохранился оазисами. В одной речке есть несколько штук, а в десяти других той же системы, лежащих поблизости, нет ни одного. По словам промысловиков, особенно резкое уменьшение соболей произошло четыре года назад. Промышленники стали переходить к ловле зверя капканами и кулемками, много пропадает даром, т. к. часто росомахи вытаскивают пойманных животных из ловушек. При помощи ловушек соболей можно выловить поголовно в короткие сроки. Охота на

соболя, несмотря на запрещение, почти не сократилась» [3, л. 89].

Уменьшение пушного зверя было вызвано разными причинами. Поскольку они пользовались огромным спросом, то старались увеличить его добычу. Бурятские охотники – одни из главных промысловиков – были поставлены в кабальные условия. Цены на шкурки были непостоянными. Они занижались скупщиками в два раза ниже рыночной. Охотники покупали снаряжение за счёт будущей добычи, пушнина при такой покупке оценивалась ниже настоящей стоимости. Скупщики обманывали и спаивали бурят.

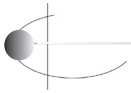
Если раньше традиционным методом охоты на соболя было выслеживание зверька в течение нескольких дней, то теперь использование ловушек, капканов, ядов позволяли выловить их значительно быстрее. Применение огнестрельного оружия как основного средства охоты да ещё в запрещённые сроки приводило к несоразмерным масштабам добычи.

Администрацией принимались различные проекты правил об охоте и промыслах. В них обсуждались вопросы охраны зверей и птиц в казённых лесах, правила охоты. Из архивных источников можно судить о состоянии этих промыслов, влиянии охотничьей деятельности на экологическую ситуацию в целом.

Так «Общество сибирских охотников» в 1908 г. сообщало: «Факт прогрессивного и повсеместного исчезновения всякой дичи очень заметен в Иркутской губернии и касается не только мелкой дичи, но и крупного зверя. Причём такого явления много, среди них есть такие, против которых борьба почти невозможна. Это заселение мест, даже в глухой тайге, рубка леса и проведение железной дороги. В окрестностях Иркутка от Тибельти до Монды количество зверя значительно уменьшилось за последние 5–6 лет из-за усиленной рубки леса и заселения. Если так будет продолжаться, то зверь уйдёт значительно дальше» [4, л. 28].

Таким образом, налицо главная причина ухудшения экологической обстановки – антропогенное воздействие в связи с новыми экономическими процессами. Действительно, бороться против них было невозможно, т. к. здесь была замешана правительственная политика и внедрение новых рыночных отношений.

Далее сообщается, что «уменьшению дичи способствовали лесные пожары. Огромный вред наносило варварское истребление

дичи, невежество самих крестьян, их охота с помощью петель, силков, ям, охота по насту. Известно, что сами казённые объездчики производили охоту в недозволенное время, били самок или же охотились в местах, отведённых исключительно «Обществу Сибирских охотников» [4, л. 30]. С различных мест поступали предложения о правилах охоты и описывалось её состояние. Требовали даже уголовного наказания за истребление зверей. В 1911 г. были изданы «Правила о побочных пользования в казённых лесах Иркутской губернии и Забайкальской области».

Однако предлагаемые меры носили половинчатый характер, а в некоторых местах были бездумными. Например, в п.4 написано: «Истреблять хищных зверей и хищных птиц, птенцов и их гнезда, а также убивать на полях и в лесах бродячих кошек и собак дозволяется в течение года и всякими способами, кроме отравы и самострелов. К хищным зверям причисляются: медведь, волк, лиса, барсук, хорёк, ласка, выдра, горностай, куница, колонок, росомаха, рысь и дикая кошка. Хищными птицами признаются: орёл и сокол, кречет и все ястребы, сорока, ворона, ворон, сойка, кедровка, филин и совы» [4, л. 88 об.].

Фактически было разрешено полное истребление почти всех животных и птиц – «санитаров леса» и ценных пород зверьков. Такие правила были бездумными и говорили о полном незнании законов природы. Принятые сроки охоты на дичь не соответствовали срокам, о которых просило «Общество сибирских охотников», т. е. срокам, в которые можно было охотиться без нанесения вреда животным. Ничего не говорилось о запрещении палов, хищнической расчистке земли под пашни, а именно эти действия наносили самый ощутимый урон.

При осеннем промысле самки и самцы добывались в равных частях, весенняя же охота на 10 добытых соболей давала 2 самцов и 8 самок, т. е. была убыточной. Да и шкурки их в это время не представляли ценности. Ежегодно по насту в марте-апреле, в пору отёла маток, добывали 1200–2000 лосей. За неимением возможности вывезти мясо из тайги брали только одну шкуру, которая стоила 1,5–3 р. Очень губительной была охота весной по насту на коз и лосей, большинство которых истребляли ради потехи, мясо отдавали собакам, а весенняя шкура ничего не стоила. «Некоторые охотники из казённых земель загоняют дичь на крестьянские земли и «законно» убивают их. Без особых усилий убивают

и загоняют самок, которые в этот период находятся на последних сроках беременности» [4, л. 13]. Ввиду большого снежного покрова в тайге стада коз выходили на поиски пищи к людям, где их безжалостно истребляли.

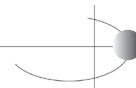
Нужно заметить, что в основном примеры хищнической охоты по архивным документам касаются русских крестьян и переселенцев. Местное население было более благоразумным в этом отношении. «Зверопромышленник в Забайкалье бродит с винтовкой по лесам во всякое время, убивает с матками и детёнышей, тогда как бурят убивает лишь самцов, щадит маток и молодежь. Этак, пожалуй, и зверь переведётся, – говорит весьма резонно бурят» [12, с. 60].

Нерачительное отношение крестьян к богатствам Сибири, скорее всего, исходило из понятия о неисчерпаемости природных ресурсов края, нерациональном отношении и неумении задуматься о будущем. Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. экологические основы охотничьего промысла бурят претерпевают изменения.

Немаловажным фактором в соблюдении экологических норм промысловой деятельности были идеологические представления бурят, которые составляли особый охотничий культ. Их этическая направленность способствовала сохранению равновесия в природе. По представлениям бурятских охотников, успех на охоте зависел от воли Хангая – хозяина тайги, который воплощал образ природных сил. Установление связей с ним, стремление не разгневать его, не преступить меру дозволенного напрасной добычей и другими действиями, приносящими вред окружающей среде, позволяли контролировать поведение охотника и сохранять резерв животных [8, с. 78].

Огромное негативное влияние на состояние охотничьего промысла оказало сведение лесов и загрязнение водоёмов. Между тем, лес имеет огромное климаторегулирующее, водоохранное и почвозащитное значение, поддерживает стабильность стока, чистоту вод и играет огромную роль в поддержании водного баланса территории. Вырубки и пожары лесных массивов приводили к обмелению рек, нарушению жизненно важных процессов, изменению экологического баланса водной и прибрежной территории.

Уничтожение лесов путём хищнических заготовок, пожарами и палами, расчисткой под пашню и халатным, небрежным отношением к нему местных жителей и переселен-

цев нанесло самый большой урон экологической ситуации в Сибири, в том числе на территории Предбайкалья и Забайкалья.

Массовое сведение лесов начало развиваться именно на рубеже XIX–XX вв. Огромный толчок заготовкам древесины дало строительство Сибирской железной дороги. Для её сооружения требовались ценные породы деревьев: лиственница, сосна, кедр в огромных количествах. В основном заготовка шла за счёт лесных запасов Предбайкалья и Забайкалья.

Так, в июне 1905 г. материальная служба Управления Сибирской железной дороги запросила для строительства железной дороги от Управления Государственным имуществом Иркутской губернии следующие лесные материалы: шпалы – 1100 тыс. штук, дрова – 11 тыс. куб. саженей, брёвна строевые – 120 тыс. штук, брусья пиловочные – 20 тыс. штук, столбы телеграфные – 17 тыс. штук, брусья переводные – 1500 комплектов, брусья мостовые – 45 тыс. куб. футов, доски разных размеров – 500 тысяч штук [5, л. 1].

На что Управление просило: «Как и в предыдущие годы заказывать Иркутскому управлению только то, что требуется для района Иркутской губернии ввиду особо трудных условий выполнения работ. Всё же, необходимое дороге по другим районам Иркутское Управление государственным имуществом просило бы заказать другим управлениям» [5, л. 4].

Строительство участков железной дороги не Иркутской губернии также производилось за счёт иркутского сырья. Управление Сибирской железной дороги в том же месяце запросило ещё сверх того 800 тыс. шпал, 10 тыс. куб. дров, 25 тыс. брёвен, 10 тыс. телеграфных столбов [5, л. 4 об.]. В 1914 г. для Сибирской железной дороги из Предбайкалья и Забайкалья были заготовлены: шпалы – 2 млн штук, дрова – 60 тыс. куб. саженей, брёвна – 150 тыс. штук [6, л. 9 об.].

Заготовка лесных материалов велась не только для строительства железной дороги, но и для нужд города, фабрик и заводов, военных, переселенцев, горнодобывающей и золотодобывающей промышленности, для школ, мостов, пароходов, Кругобайкальской железной дороги и т. д.

В отчёте Иркутскому генерал-губернатору в июне 1906 г. Управление государственным имуществом Иркутской губернии

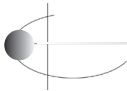
сообщало: «Хозяйственная заготовка разного рода лесных материалов производится, главным образом, для Сибирской железной дороги, для нужд г. Иркутска, для углепромышленников Черемховского района, для военных нужд («Красного Креста», госпиталей, хлебопечения, войск)» [5, л. 70–71].

Было образовано шесть лесничеств, где велись заготовки. В состав лесных дач, заказников, входивших в состав лесничеств Иркутской губернии, входили почти все земли бурятских ведомств. С одной стороны, заготовка лесных материалов служила для развития промышленности, экономики, но с другой стороны, сведение лесов в таких масштабах отрицательно сказалось на экологической ситуации в регионе.

Таким образом, в результате усиления товарно-денежных отношений, огромного спроса и возможности получать ощутимые доходы от добычи шкур, пантов и другого сырья возрастает товарное направление охотничьего промысла, призванного поставлять не только необходимые продукты питания и быта, но также продукцию на продажу. Это привело к образованию новых форм организации охотничьего промысла, хищническому использованию орудий, методов, позволявших получать добычу в короткие сроки, в широком объёме, что приводило к сокращению численности зверей и их воспроизводству, подрыву экологических основ охоты.

Состояние добывающих промыслов у бурят на рубеже XIX–XX вв. претерпевает существенные изменения. Уменьшилась добыча зверей и рыб в результате сокращения численности их поголовья. Статистические и архивные документы отмечают упадок промыслов по сравнению с предыдущими годами. Основными причинами этого явления являются факторы социально-экономического характера: хищнические методы охоты в широких масштабах и количествах для сбыта продукции на рынок и получения большего дохода, вырубки лесов и загрязнение водоёмов, разрушавших территории обитания промысловых животных, строительство Сибирской железной дороги, расчистки, палы леса и т. д.

Трансформация экологических методов природопользования начинает широко распространяться с начала XX в., когда добыча животных приобретает торгово-промышленный характер.

Список литературы

1. Высочайше учреждённая под председательством статс-секретаря А. Н. Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкалье: в 16 т. СПб.: Государственная типография, 1898. Т. 14. 286 с.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 178. Оп. 1. Д. 53.
3. ГАИО. Ф. 171. Оп. 2. Д. 32.
4. ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 43.
5. ГАИО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 1128.
6. ГАИО. Ф. 176. Оп. 6. Д. 104.
7. Дулов А. В. Географическая среда и история России конца XV – середины XIX вв. М.: Наука, 1983. 257 с.
8. Жамбалова С. Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск: Наука, 1991. 172 с.
9. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1908.
10. ГАРБ. Ф. 240. Оп. 1. Д. 82.
11. ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2611.
12. Осокин Г. М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго-Западной Сибири. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1896. 304 с.
13. Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3 т. / под ред. Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2004. Т. 1. 508 с.

References

1. Vysochayshe uchrezhdyonnaya pod predsedatelstvom stats-sekretarya A. N. Kulomzina komissiya dlya issledovaniya zemlevladieniya i zemlepolzovaniya v Zabaykalye: v 16 t. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1898. T. 14. 286 s.
2. Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti (GAIO). F. 178. Op. 1. D. 53.
3. GAIO. F. 171. Op. 2. D. 32.
4. GAIO. F. 32. Op. 4. D. 43.
5. GAIO. F. 176. Op. 1. D. 1128.
6. GAIO. F. 176. Op. 6. D. 104.
7. Dulov A. V. Geograficheskaya sreda i istoriya Rossii kontsa XV – serediny XIX vv. M.: Nauka, 1983. 257 s.
8. Zhambalova S. G. Traditsionnaya okhota buryat. Novosibirsk: Nauka, 1991. 172 s.
9. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Buryatiya (GARB). F. 4. Op. 1. D. 1908.
10. GARB. F. 240. Op. 1. D. 82.
11. GARB. F. 129. Op. 1. D. 2611.
12. Osokin G. M. Na granitse Mongolii. Ocherki i materialy k etnografii Yugo-Zapadnoy Sibiri. SPb.: Tipografiya A. S. Suvorina, 1896. 304 s.
13. Khangalov M. N. Sobraniye sochineniy: v 3 t. / pod red. G. N. Rumyantseva. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2004. T. 1. 508 s.

Статья поступила в редакцию 15 марта 2013 г.